

«Українська мова» / О. М. Рудь. – К., 2002. – 21 с. – Режим доступу: <http://www.lib.ua-ru.net/inode/6081.html>.

11. **Словник української мови** : [в 11 т.]. – К. : Наук. думка, 1970–1980.

12. **Словотворчість шістдесятників**. Ліна Костенко. Микола Вінграновський : зб. наук. праць / відп. ред. Г. М. Вокальчук. – Острог : Вид-во НаУ «Острозька академія», 2010. – 178 с.

Надійшла до редколегії 6.04.11

УДК [811.161.1 + 811.161.2]*27

Л. С. Москаленко

Кримський республіканський інститут последипломного педагогического образования

РУССКО-УКРАИНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Присвячено проблемі формування українського варіанта російської мови; розглянуто явище інтерференції російської та української мов як одна з умов формування особливої форми мови в Україні.

Ключові слова: інтерференція, український варіант російської мови, русофонія, варіювання мови, варіант мови.

Посвящена проблеме формирования украинского варианта русского языка; рассмотрено явление интерференции русского и украинского языков как одно из условий формирования особой формы языка в Украине.

Ключевые слова: интерференция, украинский вариант русского языка, русофония, варьирование языка, вариант языка.

The article deals with the problem of forming the Ukrainian variant of Russian. It examines the phenomenon of interference between the Russian and Ukrainian languages as a condition of a forming a special form of language in Ukraine.

Keywords: interference, Ukrainian versions of Russian, russophonie, varying of language, variety of language.

После распада СССР и образования независимых государств статус русского языка изменился. Сегодня русский языке принято рассматривать в качестве полинационального, то есть «имеющего несколько центров развития, в которых формируются так называемые национальные варианты с собственными нормами, собственными языковыми процессами и с равноправным статусом» [5, с. 32]. В лингвистике достаточно глубоко изучены национальные варианты таких языков как английский, испанский, немецкий, французский и т. д. Полинациональный характер русского языка только начинает изучаться и еще не является общепризнанным.

Описание варьирования русского языка становится одной из актуальных проблем современной русистики. Возникновению новых форм существования русского языка посвящены работы таких ученых, как А. Н. Рудяков, Е. А. Журавлева, В. Ю. Михальченко, Ю. В. Дорофеев, И. Н. Кошман и др.

А. Н. Рудяков предлагает концепцию устройства Русофонии «как глобального русскоязычного мира, единственным интегрирующим фактором которого является использование русского языка как средства социального взаимодействия» [10, с. 8]. Русскоязычный мир, согласно этой идее, представляется в виде организованного множества национальных вариантов русского языка, активно

взаимодействующих с другими организованными множествами национальных вариантов иных языков. Основными составляющими этой системы являются центр, ядро и периферия. Центром выступает основной вариант русского языка – российский, ядерную часть составляют варианты русского языка в странах, использующих для осуществления социального взаимодействия русский язык наряду с национальным языком, то есть в Украине, Белоруссии, Казахстане и других странах СНГ. Периферийную зону составляют все те, кто в той или иной степени владеет русским языком [10, с. 15–16].

Согласно концепции А. Н. Рудякова, русский язык выступает инвариантом (противопоставленным другим инвариантам, таким как английский язык, украинский язык, немецкий язык и т. д.), который реализуется множеством вариантов (российский, украинский, белорусский, казахстанский и т. д.). «Позициями» выступают государства: Россия, Украина, Белоруссия, Казахстан и многие другие [10, с. 13].

Русский язык, функционирующий в Украине, таким образом определяется как региональный или национальный вариант русского языка. Придерживаясь точки зрения А. Н. Рудякова, будем называть его украинским национальным вариантом русского языка. Это дает основания говорить о возникновении новой формы языка. В связи с этим возникает вопрос о правомерности рассмотрения языковых изменений, происходящих в русском языке Украины, только в качестве результата русско-украинской интерференции.

Учитывая все сказанное, **целью** данной статьи становится рассмотрение русско-украинской интерференции как условия варьирования русского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**: характеристика русско-украинской интерференции и установление ее этапов, определение процессов, влияющих на варьирование русского языка в Украине.

Русский и украинский языки на протяжении веков находятся в тесном взаимодействии, что приводит к проникновению элементов украинского языка в русский и наоборот, т. е. к русско-украинской интерференции. Большой энциклопедический словарь дает следующее определение интерференции: это «взаимодействие языковых систем в условиях двуязычия, складывающегося либо при контактах языковых, либо при индивидуальном освоении неродного языка; выражается в отклонениях от нормы и системы второго языка под влиянием родного» [15, с. 197].

В лингвистике существует две концепции рассмотрения правильности или ошибочности речевых фактов: нормативная и функциональная. Согласно нормативной концепции, «ошибочно то, что выходит за рамки коллективной нормы», согласно функциональной – «ошибочно то, что не соответствует заданной функции (напр.: ясности, экономии, экспрессивности и т. д.)» [13, с. 17]. Приведенное определение интерференции представляет собой нормативный подход к языку; языковые изменения понимаются как несоответствие норме. Принимая в качестве ведущего функциональный подход, будем говорить о результате интерференции не как об отклонении от нормы, несоответствии норме, а как о соответствии или несоответствии определенной функции, им установленной.

Взаимодействие русского и украинского языков происходит, главным образом, в Украине и предопределяется, прежде всего, контактами русского и украинского народов. Взаимные контакты наций и народностей являются одним из важнейших «внелингвистических факторов, влияющих на развитие и взаимодействие их языков» [2, с. 76].

Условно процесс русско-украинского взаимодействия можно разделить на три периода: досоветский, советский и современный. Каждый из них отличается характером взаимодействия.

В Российской империи основным языком был русский, функционирование украинского языка ограничивалось бытовым общением, в связи с чем у него не было возможности активного развития. Но тем не менее украинский язык оказывает влияние на русский. В досоветский период были написаны первые труды, посвященные интерференции русского и украинского языков (В. Долопчев. Опыт словаря неправильностей в русской разговорной речи (преимущественно в Южной России). – Одесса, 1886; К. П. Зеленецкий. О русском языке в Новороссийском крае. – Одесса, 1855 и др.). Уже в них отмечаются изменения в русском языке на всех языковых уровнях. Эти явления носят ограниченный характер, поскольку распространены только в разговорно-бытовой речи на территории непосредственного контакта этих языков.

В советское время продолжается и усиливается процесс взаимодействия русского и украинского языков. Русский язык меняет статус государственного на статус языка межнационального общения. Украинский язык становится национальным языком УССР и получает все условия для свободного существования и развития. Это, соответственно, приводит к равноправному параллельному использованию двух языков на одной территории. Как отмечают советские исследователи, сформировалось органическое двуязычие, то есть функционирование во всех сферах наряду с языком республики также русского языка как средства межнационального общения и единения народов СССР, которое способствует изменению процесса взаимодействия языков, его усилению [1; 2; 6 и др.].

Русско-украинское языковое взаимодействие становится частью всесоюзного национально-русского (украинско-русского, белорусско-русского, казахско-русского, узбекско-русского и т. д.) взаимодействия, характеризующегося взаимообогащением всех контактирующих языков. Во взаимодействии языков, как правило, видели их взаимообогащение, то есть «усвоение определенных лексических элементов, усиливавших выразительные возможности языков» [1, с. 158], являвшееся двусторонним процессом, при котором обогащаются все контактирующие языки, хотя объем вклада может быть неодинаков. Так, в русский язык входят некоторые слова из украинского, которые впоследствии воспринимаются как нейтральные: *житница, хата-лаборатория, дивчина, доярка, сечка, парубок, чувство семьи единой, партия ведет* и др. По образцу украинского слова *хлебороб* образованы русские названия *хлопкороб, огнероб*. Под влиянием украинского языка расширяется значение суффикса **-щин- (-чин-)**, он употребляется в географических наименованиях типа *Орловщина, Смоленщина* и т. п. [1; 2; 6 и др.].

Однако взаимодействие, помимо обогащения, рассматривалось и в качестве отрицательной интерференции: «В результате взаимодействия близкородственных русского и украинского языков на территории их совместного параллельного функционирования, с одной стороны, происходит взаимообогащение обоих языков, а с другой – развивается так называемая отрицательная интерференция, проявляющаяся, главным образом, в сфере спонтанной ненормированной устной речи» [2, с. 115–116]. Результаты интерференции прослеживаются на всех языковых уровнях. Например, употребление фрикативного звука г [γ] на месте взрывного г [г], мягких *ц, ж, ш* перед *и, е*; уподобление падежных окончаний русских имен существительных и форм глагола соответствующих украинским (*по домах* вместо *по домам, произносимо* вместо *произносим*), лексические заимствования и др.

На современном этапе, безусловно, также активен процесс интерференции русского и украинского языков, но влияние украинского языка на русский приоб-

ретает совершенно иной характер. Украинский язык получает статус государственного языка, русский становится языком национального меньшинства (иностранном), вследствие чего сужаются сферы его функционирования. Но, несмотря на это, в Украине остается ситуация двуязычия. Ранее языковые изменения присутствовали в речи «украинцев, которые еще не полностью овладели русским языком» [6, с. 283], то есть при изучении иностранного языка под влиянием родного. Двуязычный носитель «располагает менее чем двумя, хотя и более чем одной системой» [14, с. 62], что и становится причиной употребления элементов родного языка в иностранном. Сегодня же эти явления характерны и для речи этнических русских вне зависимости от знания ими украинского языка.

Безусловно, проникновению украинских элементов в русский язык, главным образом, способствуют билингвы (с родным как русским, так и украинским языком), «поскольку именно их речевая деятельность, по всей видимости, служит основным источником иноязычных и межъязыковых инноваций для других носителей языка» [3, с. 108].

С точки зрения функционального, а не нормативного подхода, выбор языковой единицы, имеющей украинское происхождение, в современном русском языке Украины не является случайным, спонтанным. Коммуникант не допускает в речи ошибку, а преднамеренно употребляет один из возможных вариантов. Так, понятие ‘искусственный водоем, замкнутый в берегах’ может быть реализовано единицами *пруд* и *ставок*. Использование второго варианта не может быть рассмотрено только как следствие русско-украинской интерференции. В языке Украинской интерференции. В языке Украины используются оба варианта выражения данного понятия, но если для русского языка России основным является первый вариант, то для Украины – второй. Значение номинативной единицы *ставок* в русском языке Украины при этом отличается от значения единицы *пруд*, а также от его значения в украинском языке:

Пруд – ‘небольшой искусственный водоем, а также место разлива реки, ручья перед запрудой’ [11, т. 3, с. 549].

Ставок, или *став*, – ‘водоймище (у природному чи штучному заглибленні) з непроточною водою; місце розлиття річки, струмка перед загатою’ [12, с. 635].

Понимание *ставка* как ‘места разлива реки, ручья перед запрудой’ в русском языке Украины отсутствует, также отсутствует и сема величины. Под *ставком* понимается ‘искусственный водоем, замкнутый в берегах’, хотя иногда *ставком* называют естественный водоем, употребляя его как синоним слову *озеро*, что происходит под влиянием украинского значения.

Это свидетельствует о том, что включение вариативных единиц в русский язык Украины сегодня не является следствием русско-украинской интерференции, поскольку, во-первых, процесс интерференции с нормативной точки зрения характеризуется случайностью, а в данном случае коммуниканты преднамеренно избирают ту или иную единицу, не свойственную нормам русского языка метрополии. С функциональной позиции интерференция будет являться закономерным процессом, русско-украинская же интерференция будет представлять собой опережение нормы, а не отклонение от нее. Во-вторых, специфические для русского языка Украины единицы приобретают значения, отличающиеся не только от значений единиц общерусского языка, являющихся в определенных позициях вариантами экспликации одного понятия, но и от соответствующих единиц в украинском языке.

Русско-украинскую интерференцию на данном этапе, как и в советское время, можно рассматривать в качестве обогащения русского языка за счет украинского, однако этот процесс видоизменяется. В советское время языковые элементы из украинского языка переходили в единый русский язык. Их региональ-

ный оттенок стирался, единицы воспринимались как нейтральные, о чем свидетельствуют их словарные дефиниции, в которых отсутствуют пометы *областное*, *просторечное* и т. п. Например, *доярка*, *сечка*, *житница* и др. Иногда в словарных формулировках указывается принадлежность данной единицы украинской реальности, но без соответствующих помет: *парубок* – «на Украине юноша, парень» [11, т. 3, с. 27], *хата* – «крестьянский дом в украинской, белорусской и южнорусской деревне» [11, т. 4, с. 593].

Сейчас проникновение украинских элементов в русский язык характеризуется прежде всего тем, что они обогащают русский язык, функционирующий на территории Украины. Русский язык пополняется большим количеством украинских слов, фразеологизмов, например, *громада* (общественность), *держава* (государство), *домовина* (гроб), *майдан* (площадь), *наважитися* (отважиться), *подняти бучу* (поднимать пыль) и т. д.: *Бюджетная система Украины строится на началах справедливого и непредвзятого распределения общественного богатства между гражданами и территориальными громадами* (<http://meget.kiev.ua/>). *Изначно отличаючимся по устройству от любой известной нам западноевропейской средневековой державы* (Олди Г. Л. Богодельня). *Ирена упала вместе с ним; шипя от боли, выползла из расколовшейся домовины, споткнулась о подвернувшуюся крышку, упала опять...* (Дяченко М. и С. Казнь). *На майдане* – шоу боксеров («Одесские известия», 12.08.2010). *Программа для тех, кто наважился изучить японский язык* (<http://my.mobile-arsenal.com.ua/content/fly/iq120/soft/office/translation/>). *Я не возьму в толк, почему вокруг этого эпизода подняли такую бучу* (<http://newsme.com.ua/sport/hockey/843387/>). При этом нередко случаи видоизменения лексического значения заимствования. Слово *буряк* используется не только как ‘овощное, кормовое и техническое растение семейства маревых’, то есть *свекла*, но и в значении ‘кормовая свекла’ в противоположность сахарной свекле; в значении слова *рушник* актуализируются семы *национальный*, *расширенный* (*свадебный*, *пасхальный рушник*).

Русскоязычным гражданам России, Белоруссии, Казахстана и т. д. многие единицы будут, скорее всего, непонятны. В русском языке не-Украины данные языковые факты будут рассматриваться как регионализмы или экзотизмы.

Под влиянием украинского в русский язык Украины не только переходит украинская лексика, но и появляются новые значения у слов общерусского фонда. Например, *байка* (‘короткая сказка, присказка’) используется в значении ‘небольшое стихотворное или прозаическое произведение аллегорического содержания; басня’; *сам* (‘самостоятельно; непосредственно участвуя в действии’) используется в значении ‘находиться одному’ (*Засучил рукава по локоть и пошел сам-один на Великий Новгород: ум кулака во лбы вколачивать* (Олди Г. Л. Богодельня). *Сам-на-сам тешиться* (Олди Г. Л. Богодельня)) и т. п.

Подобные изменения в русском языке выходят за границы русско-украинской интерференции. Они широко распространены среди носителей русского языка Украины, используются как в повседневном, бытовом общении, так и в сферах социально-делового, социально-культурного общения, они проникают в язык прессы и телевидения. Таким образом, язык приспособляется к функционированию в новой среде, к коммуникативным потребностям русскоговорящего населения.

Интерференция русского и украинского языков проявляется, конечно, не только на лексическом уровне, но и в фонетике, грамматике. Но поскольку лексическая система «является отражением конкретного предметного мира и отношений между составляющими его элементами» [4, с. 5], проникновения в нее являются наиболее заметными.

На фонетическом уровне наиболее распространено использование фрикативного звука г [ɣ] на месте взрывного г [g] (*техноло[γ]ия, си[γ]нал*), отсутствие редукации (*в[о]ды, кузнечик[о]м*); реализация фонемы «в» в ряде позиций губно-губным [ʏ] (*доход[оʏ], забаст[оʏ]ка*) и др. В грамматике – уподобление падежных окончаний русских имен существительных соответствующим украинским (*курей* вместо *кур*); смешении предлогов *в – у, из – с*, которые в украинском языке представляют собой фонетические варианты (*приехать с Москвы*); в несоблюдении правил чередования *г – ж, к – ч* в основах спряжения глаголов типа *печь, лечь, мочь* (*можу* вместо *могу*) и др.

Именно такие вариативные единицы в советском языкознании в первую очередь были отнесены к результатам отрицательной интерференции. На данный момент они достаточно часто используются как в устной речи (радио, телевидение), так и в письменной (публицистика, русскоязычная художественная литература Украины): *Не надо беспокоиться за меня, Филипп* (Олди Г. Л. Богодельня). *Вспомните, как на ток-шоу в Шустера депутат от «регионов» на нее серьезно (и в принципе, вполне логично) напала за газовые соглашения с Путиным и потребовала ответа – почему Тимошенко их до сих пор скрывает?* («Западная информационная корпорация», 6.07.10). *Правительство утвердило мероприятия к 65-й годовщины окончания Второй мировой войны* («Западная информационная корпорация», 13.08.10) и т. д.

Рассматривать варьирование русского языка в Украине сегодня как отрицательную интерференцию, отклонение от норм не представляется нам верным, поскольку «интерференция не обязана всегда оставаться интерференцией, т. е. отклонением от нормы; при частом повторении она сама может стать нормой» [14, с. 69]. Значительное распространение результатов варьирования русского языка в Украине не только в речи малограмотного населения, но и интеллигенции, тех, на кого ориентируются массы, использование их в сферах социально-делового, социально-культурного общения обусловлено не незнанием норм русского языка, а целевыми установками его носителей. Исходя из того, что «в семантических и формальных индивидуально-речевых вариантах возникает то новое, что потом может войти в узус, норму и систему языка» [7, с. 86], можно говорить о языковых отклонениях в русском языке Украины как о начальной стадии выработки новой нормы.

Изменения в русском языке Украины обусловлены не только и не столько русско-украинской интерференцией, сколько обособлением русского языка, расхождением в когнитивной базе носителей русского языка в Украине и России. Функционирование русского языка в независимых государствах неизбежно приводит к тому, что «у носителей русского языка в этих странах картина мира в чём-то всё равно особенная» [9]. Изменения в картине мира, главным образом, отражаются в лексической системе. Эта лексика прежде всего характеризует культурное, политическое и экономическое состояние страны.

Изменение условий социальной реальности приводит к заполнению появляющихся семантических лагун, и, как следствие, появлению новых слов и значений. Так, от наименования партии БЮТ (Блок Юлии Тимошенко) образованы номинативные единицы, называющие ее представителей, – *бютовец, бютовка*, от наименования «Партия регионов» – *регионал, регионалка* (Как известно, ранее Шевченковский райсуд Киева признал недостоверной информацию, распространенную *регионалкой* в адрес *бютовца*) («Западная информационная корпорация», 01.09.2010). *За Закон «Об основах внутренней и внешней политики Украины» проголосовали 259 народных депутатов – 171 регионал, 25 бютовцев, 13 нардепов из НУНС, 27 коммунистов, 19 нардепов Блока Литвина и 4 – внефракционных*

(«Западная информационная корпорация», 19. 07.2010)). Слово *гривна* получает значение ‘денежная единица Украины’; *оранжевый* – ‘относящийся к партии «Наша Украина»’, но в последнее время приобретает значение ‘характеризующийся прозападными политическими взглядами’. Кроме того, данная единица подвергается процессу субстантивации и обозначает сначала ‘представителей партии «Наша Украина»’, позже – ‘тех, кто придерживается прозападных политических взглядов’.

Функционирование языка в независимом государстве приводит к возникновению не только новых слов и новых значений, но и ассоциативных связей, навязанных событиями, происходящими в независимой Украине, этой средой. В русский язык из украинского переходит слово *майдан* со значением ‘большое незастроенное место в пределах города или села’, то есть *площадь*. В условиях независимой Украины утрачивает актуальность сема ‘село’, что обусловлено, по видимости, наименованием данной единицей Площади Независимости (Майдана Незалежності) в Киеве, главной площади города. Так, слово *майдан* получает значения ‘главная площадь Киева’ и ‘главная площадь города’. После событий Оранжевой революции в Украине *майдан* ассоциируется с местом проведения активных протестных акций и именуется также место проведения протестных манифестаций, саму протестную манифестацию, протест, участников протеста [8, с. 184].

В результате исследования могут быть сделаны следующие **выводы**.

Языковые изменения, свойственные русскому языку в Украине, не могут быть рассмотрены только как следствие русско-украинской интерференции, поскольку эти изменения приобретают слишком широкое распространение. Они характерны для речи не только украиноязычного населения, но и этнических русских. Их используют образованные носители языка, деятели науки и культуры, писатели и т. д. Такое распространение обусловлено не незнанием норм русского языка, а целевыми установками его носителей. Данные факты не являются спонтанными, случайными. Коммуниканты преднамеренно избирают ту или иную единицу из возможных вариантов. Происходит расхождение реализации основного варианта языковых единиц в Украине и России.

Для украинского русского языка вариантные формы не будут являться ни регионализмами, ни экзотизмами, поскольку они называют предметы и явления, характерные для данной национальности, данной страны. Таким образом русскоговорящее население приспособливает язык к условиям функционирования в Украине, к своим потребностям; происходит адаптации языка как к традициям, так и к современным потребностям нации.

Интерференция русского и украинского языков, безусловно, является одним из условий варьирования русского языка в Украине, формирования новой, особой формы языка, отличной от языка метрополии.

Библиографические ссылки

1. **Базиев А. Т.** Язык и нация / А. Т. Базиев, М. И. Исаев. – М. : Наука, 1973. – 248 с.
2. **Белодед И. К.** Русский язык как источник обогащения языков народов СССР / И. К. Белодед, Г. П. Ижакевич, Т. К. Черторицкая. – К. : Рад. шк., 1978. – 182 с.
3. **Дорофеев Ю. В.** Национальные варианты русского языка / Ю. В. Дорофеев // Лингводидактика. Социолингвистика. Языки мира. К 90-летию со дня рождения академика И. Ф. Протченко / Учреждение Российской академии наук, Институт языкознания РАН. – М. : Сов. писатель, 2008. – С. 101–115.
4. **Журавлева Е. А.** Вариативность лексической системы: русский как полинациональный язык : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е. А. Журавлева. – Алматы, 2007. – 49 с.

5. Журавлева Е. А. Вариативность как основной признак мировых языков / Е. А. Журавлева // Георусистика. Первое приближение : сб. науч. ст. / под ред. А. Н. Рудякова. – Симферополь : Антиква, 2010. – С. 29–39.
6. Їжакевич Г. П. Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу / Г. П. Їжакевич. – М. : Наукова думка, 1969. – 303 с.
7. Мечковская Н. Б. История языка и история коммуникации : от клинописи до Интернета : курс лекций по общему языкознанию / Н. Б. Мечковская. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 584 с.
8. Николенко Н. И. О функционировании украинских лексем «помаранчевый», «май-дан» в русском языке / Н. И. Николенко // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Серия «Филология». – Том 20 (59). – № 1. – 2007. – С. 179–185.
9. **Нормальные русские языки** [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.russkiymir.ru/russkiymir/ru/publications/interview/interview0063.html>.
10. Рудяков А. Н. Георусистика – русистика XXI века / А. Н. Рудяков // Георусистика. Первое приближение : сб. науч. ст. / под ред. А. Н. Рудякова. – Симферополь : Антиква, 2010. – С. 8–21.
11. **Словарь русского языка** : в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Рус. яз., 1985–1988. – Т. 3. – 752 с. – Т. 4. – 800 с.
12. **Словник української мови** / за ред. М. Л. Мандрика. – К. : Наукова думка, 1978. – Т. 9. – 918 с.
13. Фрей А. Грамматика ошибок : пер. с фр. / вступ. ст. В. М. Алпатова / А. Фрей. – М. : КомКнига, 2006. – 304 с.
14. Хауген Э. Языковой контакт / Э. Хауген // Новое в лингвистике. – М. : Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61–81.
15. **Языкознание**. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Надійшла до редколегії 20.05.11

УДК 811.161.2'1

Т. І. Нікішина

Бердянський державний педагогічний університет

ВАРИАТИВНІСТЬ ДЕНОТАТИВНИХ І КОНОТАТИВНИХ ЗНАЧЕНЬ МОВНИХ ЗНАКІВ У ПОЛІТИЧНОМУ ДИСКУРСІ

Визначено денотативне та конотативне значення слова, виявлено їх варіативність у політичному дискурсі, окреслено функцію і стилістичну роль у впливі на свідомість реципієнта.

Ключові слова: варіативність, денотативне значення, конотація, політичний дискурс.

Дано определение денотативного и коннотативного значения слова, выявлена их вариативность в политическом дискурсе, определены функция и стилистическая роль в воздействии на сознание реципиента.

Ключевые слова: вариативность, денотативное значение, коннотация, политический дискурс.

The article is an attempt to determine the denotative and connotative meaning of words, detection of variation in political discourse and outline the function and role in the stylistic impact on the consciousness of the recipient.

Keywords: variability, denotative meaning, connotation, the political discourse.